

«Триста человек... — Сюэ Сянь был ошеломлён размахом этого зловещего ритуала. — Ну и размах! Когда смертные пускаются во все тяжкие, они мне не уступят. Но где их столько набрать? Число немалое, даже если сократить вдвое — всё равно шума не избежать. Пропажа сотни людей — даже слепой заметит.»

Пока он говорил, из статуи, которую осматривал Сюань Минь, со звоном выпал какой-то предмет. По звуку — что-то вроде медной или железной пластины.

Вещь, пролежавшая на теле, не могла не быть запачканной тлением и грязью. Сюань Минь поморщился и, не сдержавшись, оторвал ещё клочок белой холщовой ткани от подола.

— Если будешь так рвать и дальше, — саркастически заметил Сюэ Сянь, — ряса скоро в короткий кафтан превратится.

Разумеется, это было преувеличением. Ряса Сюань Миня лишь не пачкалась, на деле же была весьма длинной, почти полностью скрывая ступни. При ходьбе она едва не касалась земли, но всегда сохраняла ту самую щель. А отрывал он каждый раз кусочек меньше ладони — хоть двадцать раз оторви, заметно не укоротится.

Но Сюэ Сянь просто не мог удержаться, чтобы не поддеть его.

Сюань Минь, прикрыв пальцы тряпицей, поднял упавший предмет и, поймав скупой луч света, принялся разглядывать.

То была небольшая железная пластинка. На одной стороне был вырезан звериный лик, на другой, судя по всему, — выгравировано имя. Однако сторону с именем кто-то исчеркал лезвием, покрыл глубокими царапинами, так что исходные иероглифы разобрать было невозможно.

Сюэ Сянь, видя, что Сюань Минь его игнорирует, воспользовался тем, что тот присел, и тихонько высунул из тёмного мешочка макушку: «Кх... Что-то знакомое.»

«Видел раньше?» — Сюань Минь уже собрался было запихнуть его обратно, но, услышав это, приостановился и протянул пластинку.

«Вспомнил, — сказал Сюэ Сянь. — По дороге в уезд Волун в горных брошенных храмах мы такой находили. В том храме ещё кровь осталась, полагаю, была стычка. А потом, уже перед самыми воротами Волуна, мы с этим занудой-книжником у подножья стены ещё одну подобрали.»

Такие совершенно одинаковые вещи явно изготавливались централизованно, скорее всего — в армии.

Армейские солдаты и офицеры все ходят по лезвию смерти, и у каждого, кто по-настоящему воевал, клинок запятнан человеческой кровью. Что ж, под определение «проклятых воинов» подходят. Но армия — дело строгое, как могли вдруг исчезнуть сотни человек без всякого учёта?

Сюэ Сянь за последний год больше по рынкам да переулкам шлялся, о военных делах знал мало, а вот Сюань Минь кое-что слышал.

У каждого военного была такая железная пластина. Во-первых, для учёта личного состава, во-вторых, для проверок на постах, а в-третьих... если падёшь на поле боя, и даже конской

попоной укрыться не удастся, не говоря уж о возвращении домой, — эта пластина заменяла тело, позволяя «вернуться к корням», как опавший лист.

Если же воин не погибал, а доживал до старости, терял руку или ногу, получал тяжёлые ранения — словом, больше не мог служить, — его списывали. Пластины при этом не забирали, но выцарапывали с неё выгравированное имя.

«И где ты это подслушал?» — уставился на Сюань Миня Сюэ Сянь.

Тот на миг задумался, потом покачал головой: «Не помню. Возможно, на улице, в переулках, от людей.»

Сюэ Сянь считал этого лысого монаха удивительным типом. Судя по паукообразной родинке, он, наверное, болен. Судя по тому, что, открыв глаза, никого не узнаёт, болезнь, видимо, серьёзная. Но этот подозрительный монах с симптомами потери памяти, вечно сохраняющий ледяную важность «высокого духовного лица» и держащий всех на расстоянии, — как умудрился насобирать в городской сутолоке столько сведений? Представить трудно.

«А ты на человека, способного говорить по-человечески и поддерживать беседу, похож?» — спросил Сюэ Сянь.

«Не похож,» — сам себе и ответил.

Выражение лица Сюань Миня не дрогнуло. Он ткнул пальцем в его круглую голову... или, может, туловище — какая разница — и вдавил обратно в мешочек.

«Проклятые воины — это старые или искалеченные солдаты. А “страдающий народ” и “злодеи” — кто такие?» — пробормотал Сюэ Сянь, пока его впихивали.

«Нищие и разбойники с большой дороги.»

Ответил не Сюань Минь, а другой, более мягкий и ровный голос.

Сюань Минь обернулся на звук и увидел, что Лу Шицзю и старик Лю уже очнулись и подходят.

Дряхлое тело старика Лю не в счёт, но Лу Шицзю был ещё тщедушнее, чем Цзян Шинин. Как они так быстро пришли в себя? Ведь и затягивание водоворотом, и удар о дно бассейна должны были оставить на теле синяки и ссадины, а на этих двоих — ни царапинки.

Когда они встретились за каменной дверью, они выглядели так же, как и сейчас. Даже степень промокшей одежды, синяки — всё осталось неизменным.

Сюань Минь скользнул по ним взглядом, ничего не сказал, лишь спросил, глядя на оставшуюся сотню с лишним статуй: «Откуда знаешь?»

Лу Шицзю приподнял державшуюся в руке деревянную ветку, пошевелил пальцами: «Я могу видеть. И могу вычислять. Только что поблизости несколько ощущал.»

«Этих солдат перехватили на полпути домой, — тихо произнёс он. — Избавиться от таких солдат довольно просто. Сказать, что они давно пали, а тела не нашли, — и дело с концом. Ни у кого подозрений не возникнет.»

Что до нищих и бродяг... одним больше, одним меньше — возможно, вообще никто не заметит. С разбойниками и того проще: в глазах окрестных жителей, вырезать их подчистую — самое

лучшее. А после того как вырежут, взяли ли их под стражу, отрубили ли головы, куда отправили — естественно, никто лишних вопросов задавать не станет.

Три компонента в наличии — и ловушка готова.

Слепые глаза Лу Шицзю в тот момент оказались куда зорче, чем у зрячих. Он повернулся, окинул пространство взглядом и указал на два места: «Там что-то есть.»

Услышав это, Сюань Минь шагнул вперёд и снял с каменных стен в двух указанных местах по каменной пластине. Даже на ощупь было ясно, что на них вырезаны какие-то знаки. Сюань Минь зажал их в руке, внимательно разглядывая, и нахмурился: «Что-то знакомое.»

«Что знакомое?» — спросил Сюэ Сянь.

«Знаки. Вроде бы где-то ещё видел.»

Но в погребальном зале было слишком темно, как ни всматривайся — лишь общие очертания различимы.

Пока он разглядывал пластины, Лу Шицзю рядом повернул голову в сторону лежащего без сознания Лу Няньци и вдруг сказал Сюань Миню: «Няньци он...»

Сюань Минь, не поднимая головы, отозвался на его недоговорённый тон: «Кажется, он панически боится воды.»

«Ага, — лениво отозвался из мешочка Сюэ Сянь. — Пока я без сознания лежал, ничего не чувствовал, только его вопли и слышал.»

Лу Шицзю опустил взгляд: «Это я виноват.»

Тринадцать лет назад Лу Юань, пришедший из Луцзятана и осевший в Восточном квартале у реки, был вдовцом. Жена умерла рано, и он один тянул двух сыновей, привязав у берега лодчонку и промышляя рыбой. Хотя лицо у него было грубоватое, простодушное, он при встрече со всеми улыбался, и эта суровость смягчалась на треть.

Соседи частенько говаривали, что сыновья Лу Юаня совсем на него не похожи.

Потому что Лу Юань был высоким и дюжим. Видимо, от постоянного тягания сетей мышцы на руках были буграми, смотрелось очень мощно. А вот два его сына — совсем нет.

Когда он только появился в Восточном квартале, старшему было четыре года, младшему — два, оба один другого subtilнее. Младший, хоть и худой, всё же в чертах лица имел некоторое сходство с Лу Юанем, проявлял бойкую, резвую живость. А старший — тот и вовсе ни одной чертой на отца не пошёл.

Когда отец и сыновья стояли вместе, старший, по прозвищу Девятнадцатый, всегда бросался в глаза — потому что был белым сверх меры, почти болезненно.

Этот Лу Шицзю не только внешне не походил на луцзятанцев, но и характером. Лу Юань был душа-человек, младший, Лу Няньци, тоже любил пошуметь, непоседа ещё тот, упрямый, не слушался, в юные годы уже упёртый, не раз от отца получал. Лишь старший, Лу Шицзю, целыми днями был странно молчалив, совсем не по-детски.

В большинстве случаев этот Лу Шицзю и правда выглядел куда рассудительнее, но порой он

внезапно совершал странные поступки, а в сочетании с бледным, хилым обликом это наводило какую-то жуть, потому и симпатий особых не снискал.

Так что соседи порой подшучивали над Лу Няньци, но редко задевали Девятнадцатого.

Чего соседи не знали, так это того, что Лу Шицзю и вправду не был Лу Юаню родным.

<http://bllate.org/book/16289/1467939>